

Слова дедушки Чжана прозвучали очень резко, но зато честно — а правда всегда режет больнее всего.

Как и ожидалось, староста Вэнь на мгновение опешил, а глава деревни Вэнь даже покраснел.

— В любом случае, ты всё равно носишь фамилию Вэнь. Если тебе здесь плохо живётся, возвращайся домой. Ведь Вэньцзячжуан — это место, где ты вырос с детства, — с трудом выдавил из себя глава деревни Вэнь.

Его намерение переманить человека было совершенно прозрачным.

Лицо дедушки Чжана мгновенно потемнело:

— Как это «плохо живётся»? Разве он здесь плохо живёт?

Да совсем наоборот! Живётся ему просто отлично!

Гораздо лучше, чем в Вэньцзячжуане!

Это ведь сам Вэнь Суйцай — ныне уже Вэнь Цзюйжэнь — лично и не раз говорил об этом. Поэтому дедушка Чжан был абсолютно уверен в своих словах.

— Хорошо живётся? — староста Вэнь стукнул кулаком по столу. — Где тогда Ван Цзюнь? Его же дома нет! Оставил троих детей на попечении Вэнь Жуна. Жениться — так жениться! «Вышла замуж — значит, мужа кормить и одевать!»

— А кто же заставил меня выходить замуж? — Вэнь Жунь совершенно спокойно ответил. В этом мире люди придавали значение таким вещам, как брак и замужество, но ему лично это было совершенно безразлично.

— Твой младший дядя со всей своей семьёй уже исключён из родословной книги, — немедленно сообщил глава деревни Вэнь. — К тому же через несколько дней они уедут и больше не будут жить в Вэньцзячжуане. То, что они натворили, слишком уж возмутительно — их обязательно нужно наказать. Кстати, а твоё имущество... нельзя ли его выкупить обратно? Эти люди совершенно не подходят для нашей деревни Вэньцзячжуан.

— Да они не просто «не подходят»! — раздражённо добавил староста Вэнь. — Из-за них в Вэньцзячжуане сплошной бардак! Каждый день пьют, едят мясное, шумят и галдят. Постоянно перешёптываются и тычут пальцами в наших девушек и молодых женщин. Даже вдову Ма уже несколько раз ночью будили стуком в дверь!

— Кто-то осмелился приставать к вдове Ма? — дедушка Чжан был ошеломлён. — Ей же уже

около сорока лет! А её сыну, наверное, уже восемнадцать? Такой здоровенный парень сидит дома — и всё равно кто-то осмеливается стучаться к вдове глубокой ночью?

Вдова Ма овдовела ещё в свои двадцать с небольшим.

И, как и следует из её прозвища, у неё было длинное, конское лицо, да и характер — вспыльчивый. Даже в молодости никто не решался за ней ухаживать. А теперь, в сорок лет, она уж точно не та «полустареющая красавица», что ещё сохраняет следы былой привлекательности. Обычная крестьянка, которая в одиночку вырастила своего единственного сына Вэнь Цзы. Иероглиф «Цзы» означает «близнецы» — так его назвал старый учёный Вэнь, надеясь, что такое имя поможет сохранить сыну жизнь и укрепить его слабое здоровье.

Раньше у вдовы Ма была ещё и дочь, на два года старше сына. Однажды дети пошли купаться, девочка утонула, а мальчик вернулся домой, лишь простудившись. С тех пор никто больше не говорил, что имя «Цзы» ему не подходит.

Кстати, иероглиф «Цзы» звучит так же, как фамилия «Ма».

В молодости вдова Ма никогда не была ни каплей похожа на цветущую красавицу. А теперь, в преклонном возрасте, её всё равно кто-то осмеливается беспокоить ночью! Это было поистине удивительно.

— Вэнь Цзы уехал с торговым караваном — решил посмотреть свет. Когда вернётся, пора будет и жену подыскивать, — пояснил глава деревни Вэнь. — В доме никого больше нет, только она одна. Не поймёшь этих людей: как можно ночью стучаться к такой вдове? Разбуженная вдова Ма всю ночь проклинала их на чём свет стоит, стоя во дворе! — Вспомнив об этом, глава деревни Вэнь только голову схватился от досады.

Вдова Ма, хоть и не отличалась красотой, зато обладала громким голосом, вспыльчивым нравом и совершенно несговорчивым характером — настоящая деревенская баба-заноза. Всю ночь напролёт она ругалась на улице так громко, что подняла на ноги полдеревни Вэньцзячжуан. Даже все собаки в деревне проснулись и лаяли всё то время, пока вдова Ма не переставала орать.

Этот инцидент имел крайне негативные последствия. Раньше в деревне даже собирались ходатайствовать перед властями о присвоении вдове Ма «столпа целомудрия и верности» (чжэньцзе пайфан). Но если теперь вдруг всплывёт какой-нибудь скандал, связанный с нравственностью, то о таком почётном знаке можно будет забыть.

У Вэнь Жуна остались воспоминания прежнего владельца тела, поэтому он прекрасно понимал замыслы жителей Вэньцзячжуан. Что до «столпа целомудрия», то Вэнь Жунь относился к нему с презрением — ведь на самом деле это не почёт, а памятник женским страданиям и слезам.

В древности производительные силы были слабы: даже семьи с мужчинами едва сводили

концы с концами, не то что вдовы, оставшиеся в одиночестве. Женщине приходилось не только работать самой, но и кормить детей. Даже если в доме не было стариков, жизнь всё равно была невероятно тяжёлой!

— Да ведь именно так! Вэнь Жунь, разве можно, уйдя из Вэньцзячжуан, так его разорять? Разве те люди — хорошие? Да они же просто не умеют жить по-человечески!

— И не только в этом дело! — добавил кто-то. — Они ещё заявили, что в следующем году сами будут обрабатывать землю: не станут сдавать её в аренду и не наймут арендаторов. В этом году, когда они только приехали, все налоги и повинности ты уже оплатил весной. Но на следующий год они объявили: налоги, мол, заплатим, а вот повинности — откупимся деньгами! Скажи на милость, если они так поступят, что нам делать?

Налоги были фиксированными — их обязательно нужно было платить государству, и никто не осмеливался уклоняться.

А вот повинности (бесплатный труд на государство) — совсем другое дело! Тут существовали разные варианты.

Например, если в доме не было взрослых мужчин — как у вдовы Ма, пока её сын был ещё мал — повинности не назначались.

Или же можно было выкупить освобождение от повинностей за деньги. Раньше уже говорили, что такая возможность есть, но цена варьировалась в зависимости от характера работ. При этом в обычное время выкуп разрешался, но в случае важных государственных дел (например, военных кампаний или крупных строек) — выкупать было нельзя, и тогда приходилось нанимать кого-то за свой счёт.

Такой труд был обязательным!

К тому же, чтобы сохранить «лицо» перед властями, каждому селению разрешалось выкупать лишь ограниченное число мест от повинностей — нельзя было, чтобы все жители уклонялись от работ.

Некоторые виды работ были настолько тяжёлыми и опасными, что за них никто не хотел браться даже за деньги. Например, расчистка русел рек или доставка продовольствия армии.

Первое — изнурительно тяжело, второе — чревато опасностью.

Если армия вступала в сражение, то подручных, везущих припасы, в критический момент могли насильно призвать в бой!

Поэтому, упомянув об этом, староста Вэнь и глава деревни Вэнь пришли в ярость. Раньше они,

пользуясь своим достатком, всегда выкупали освобождение и ни разу не отправляли никого на такие работы.

Никому не хотелось мучиться: после расчистки рек многие возвращались больными, а лечение и лекарства стоили немалых денег. А ведь в следующем году как раз на Вэньцзячжуан должна была выпасть очередь расчищать русла! Власти разрешили выкупить всего пять мест — не больше, потому что это считалось делом государственной важности.

А вот деревня Ляньхуаао получила полное освобождение... ведь там жил Вэнь Жунь! Если бы он остался в Вэньцзячжуане, деревня получила бы как минимум тридцать мест для выкупа!

— Ну так пусть и идут на повинности, раз выкупили, — равнодушно сказал Вэнь Жунь. В его памяти — как его собственной, так и прежнего владельца тела — повинности были лишь смутным понятием, без личного опыта.

От такого ответа глава деревни Вэнь поперхнулся. Староста Вэнь, поняв, что дальше в этом направлении спорить бесполезно, тут же сменил тему:

— В любом случае, нельзя допускать, чтобы эти люди и дальше оставались в Вэньцзячжуане! Если даже вдова Ма испугалась, то кого они ещё не посмеют тревожить?

Дедушка Чжан сделал большой глоток чая:

— Вдова Ма уже не молода. Что им от неё надо? Если сказать грубо, по возрасту она им вполне может быть матерью!

Это была суровая правда.

— Неважно, чего они хотят! Главное — прекратить их домогательства в отношении вдовы Ма! — решительно заявил староста Вэнь.

— Хе-хе... — Вэнь Жунь лишь холодно усмехнулся, не скрывая иронии.

Ведь на самом деле всё просто: они мечтали получить для вдовы Ма «столп целомудрия»!

Вэнь Жунь в прошлой жизни изучал эту тему. Изначально такие памятники чаще всего возводились с иероглифом «цзе» («воздержанность»), и обычно их ставили в честь матерей, воспитавших выдающихся сыновей-учёных. Но в поздний период феодального общества, с усилением влияния неоконфуцианства (учения Чжу Си), акцент сместился на иероглиф «чжэнь» («целомудрие»), и «столпы целомудрия» превратились в ещё один инструмент угнетения женщин.

Сначала вдовы действительно оставались верны памяти мужей добровольно — из глубокой любви, не желая вступать в новый брак; некоторые даже совершали самоубийство, следуя за мужем в могилу. Такие истории были поистине трогательны и достойны восхищения.

Однако позже богатые семьи начали соревноваться в количестве «столпов целомудрия» у себя в роду. Даже чиновники стали считать число таких памятников показателем своих административных заслуг. В результате бесчисленное множество женщин были вынуждены оставаться вдовами против своей воли, а многие из них попросту умирали с голоду.

«Столп целомудрия» — это особый вид монументальной арки, похожей на ворота, которую императоры в древности возводили для увековечения заслуг своих подданных.

Изначально это была форма поощрения, но к настоящему времени такие памятники стали символом особой чести. Обычные крестьяне редко удостоивались такой милости от двора: лишь единицы могли рассчитывать на то, что о них узнают власти, упомянут в книгах или даже поставят памятник.

«Столп целомудрия» был одним из таких редких знаков отличия.

Однако к нынешней эпохе его смысл изменился: теперь он вручался исключительно женщинам, которые всю жизнь хранили верность умершему мужу и строго соблюдали целомудрие.

Требования для получения «столпа целомудрия» в нынешней династии были очень строгими: во-первых, женщина должна была овдоветь и сохранять вдовство не менее тридцати лет; во-вторых, её репутация должна быть безупречной — за всё это время она не должна была даже помышлять о повторном замужестве.

Если же она при этом в одиночку вырастила детей — это считалось особо высоким проявлением нравственности.

Тридцать лет вдовства — это уже подлинное постоянство и верность.

Вдова Ма как раз в одиночку вырастила сына до совершеннолетия. У неё в хозяйстве было две рабочие коровы и пятьдесят му (около 3,3 га) земли — причём всё это были лучшие орошаемые рисовые поля. После уплаты налогов и выкупа от повинностей у неё ещё оставались и немного еды, и кое-какие деньги. Если экономно вести хозяйство, мать с сыном жили вполне прилично.

Будь их положение хуже, вдова Ма, судя по своему характеру, давно бы уже не церемонилась и вышла замуж повторно!

Все эти годы соседи из Вэньцзячжуан помогали ей обрабатывать эти пятьдесят му лучших рисовых полей — иначе одной женщине было бы просто не под силу справиться с таким

хозяйством.

Увидев такое отношение Вэнь Жуна, стало ясно: мягкость здесь не поможет. Староста Вэнь убрал с лица улыбку и серьёзно заговорил:

— Вэнь Жунь, как бы то ни было, эти люди не могут дальше оставаться в Вэньцзячжуане. Но скажи мне: когда ты продавал своё имущество, почему не обратился ни к главе деревни, ни к старосте участка?

Дело в том, что староста Вэнь был не только уважаемым старейшиной уезда, но и его старший сын занимал должность личаня — старосты участка, к которому относились Вэньцзячжуан и ещё две соседние деревни.

По правилам, при продаже имущества действительно следовало согласовывать сделку с личанем.

Однако Вэнь Жунь всё же прошёл через личаня — просто не через «ихнего» Вэнь-личаня, а через Ма-личаня!

Во всём уезде было четыре личаня, и каждый управлял своим участком независимо, без особого взаимодействия между собой.

Если возникали споры, сначала приглашали старейшин уезда (сянлао), чтобы те вместе обсудили ситуацию и постарались уладить дело.

Только если это не удавалось, тогда уже обращались в уездную администрацию — к чиновникам или даже самому уездному начальнику.

— Я вышел замуж, — тихо улыбнулась Вэнь Жунь, опустив глаза. — «Вышедшая замуж — что вылитая вода», — так сказали мне лично мой младший дядя и тётушка в день моего отъезда. И ведь даже не дождавшись, пока я покину дом, Вэнь Лаоци уже начал созывать людей, чтобы убраться в моём доме, заказывать стройматериалы и громко заявлять всем: «Земля теперь вся принадлежит семье младшего дяди!» В тот момент поднялся такой шум, но никто даже не вышел, чтобы сказать хоть слово справедливости. С того момента, как я вошел в семью Ван, я стал человеком семьи Ван. Моё имущество — моё право распоряжаться им. Как именно я его продаю — это моё личное дело. Покупатель предложил хорошую цену — какой смысл мне было отказываться? К тому же все документы оформлены надлежащим образом, сделка совершена добровольно и законно. Прошло уже столько времени! Я не собираюсь передумать, и речи о выкупе быть не может. Как эти люди себя ведут в Вэньцзячжуане — это уже ваши проблемы. Раньше вы ведь тоже управляли деревней? Значит, и сейчас справитесь. Я верю в ваши способности.

Слова Вэнь Жуна были словно мягкий нож — вошёл незаметно, но потом ещё и провернул в ране.

Ничего не поделаешь: он просто обязан был чётко обозначить свою позицию и дать понять, насколько она непоколебима.

— Разве ты не можешь вернуться? — недовольно спросил глава деревни Вэнь. — Ведь Вэньцзячжуан — это место, где ты вырос. Ты же не хочешь, чтобы о нём пошли дурные слухи?

К тому же они уже успели на собственном опыте убедиться, на что способны эти люди.

Да и сами попали под их раздачу.

В драках и скандалах местные жители явно проигрывали этим «проходимцам», да ещё и сами же получали по заслугам.

Изначально новоприбывшие даже собирались ладить с деревней — ведь им предстояло здесь обосноваться надолго. Но жители Вэньцзячжуан оказались крайне замкнутыми и недружелюбными, да ещё и отказывались возвращать захваченные дом и землю. Какой же «уличный головорез» стал бы терпеть такое? Они никого не боялись и устроили в деревне настоящий хаос.

— Зачем мне возвращаться? — Вэнь Жунь даже похвастался немного. — Дом и земля больше не мои. А вот в Ляньхуаао у меня есть такой дом, да ещё и пятьсот му орошаемых рисовых полей! Сдаю их в аренду — получаю арендную плату, и даже остаётся излишек. К тому же повинности и налоги с этих земель оформлены на меня: каждый год без всяких хлопот получаю кучу серебра и зерна — ни в чём не нуждаюсь. А ещё у меня целая группа замечательных учеников, которых я обучаю. Жизнь прекрасна!

Возвращаться? Зачем? Чтобы они меня довели до смерти?

Разве он сумасшедший, чтобы возвращаться?!

Староста Вэнь, уже совсем выведенный из себя, бросил угрозу:

— Ты продал имущество, не согласовав с деревней! Такая сделка, скорее всего, недействительна. Давай разберёмся как следует — у меня ведь ещё есть авторитет среди старейшин уезда!

Это была прямая угроза. За всю свою жизнь староста Вэнь никогда не говорил так резко — но сейчас его действительно загнали в угол, и он был готов пойти до конца.

— Старейшины? — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Даже сам уездный начальник не имеет права вмешиваться в личные дела цзюйжэнь-господина! Если хотите оспорить мои действия, сначала подавайте прошение в уездную администрацию, подавайте иск в главный зал суда. Но даже если чиновники примут ваш иск, решение всё равно будет зависеть от моего настроения:

если мне захочется — загляну посмотреть, в чём дело; а если не захочется — pošлю слугу, чтобы он вас отчитал. Всё это — пустая болтовня!

Таковы были привилегии цзюйжэня — кандидата на учёную степень.

Упоминание уездной администрации мгновенно испортило настроение всем трём присутствующим. Только Вэнь Жунь остался совершенно невозмутим — и даже спокойно съел ещё один пирожок с финиками в форме золотого слитка.

<http://bllate.org/book/15642/1398067>